

RU

Особенности репрезентации викторианского дома подростком
в романе П. М. Лайвли “The House in Norham Gardens”

Уарова О. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить специфику формирования образа викторианского дома героиней-подростком в английском романе XX века. Научная новизна работы заключается в определении способов языковой репрезентации образа викторианского родового дома с учетом возраста и мышления героини. Полученные результаты показали, что при создании образа своего дома героиня выбирает стратегию его рассмотрения в рамках оппозиции, которая проявляется в трех проекциях: «Свой дом и другие дома», «Оценка дома гостями и героиней» и «Дом и его жители». К тактике создания образа дома героиней относится обращение к метафорам «Дом-Динозавр», «Дом-Музей», «Дом-Ракушка». Образ дома выстраивается героиней также при помощи ряда выразительных средств. Сквозные эпитеты в тексте романа передают характеристики родового дома, к которым она относится отрицательно; посредством связи олицетворений определена наиболее значимая для нее комната в доме. Трансформация сквозных эпитетов в оксюморон демонстрирует одновременно эмоционально отстраненное отношение героини к старинному особняку и почтение к наследию предыдущих поколений ее семьи. В романе через частное восприятие героиней ее дома продемонстрирована рефлексия над ценностями викторианского периода в истории страны.

EN

Representation of a Victorian house
in P. M. Lively’s novel “The House in Norham Gardens”

O. V. Uarova

Abstract. The aim of this study is to identify the means through which a teenage protagonist in a 20th-century English novel constructs the image of a Victorian ancestral home. The originality of the research lies in examining the features of the linguistic representation of the Victorian ancestral house image by the teenager, taking into account her age and thinking patterns. The findings indicate that, in constructing the image of the house, the protagonist employs a strategy characterized by the use of oppositional perspectives. Opposition is manifested in the novel in three dimensions: “Her own home vs. Other homes”, “House evaluation by guests vs. By the heroine”, and “The house vs. Inhabitants”. The protagonist’s tactic for creating the image of the house includes the use of metaphors – such as “House-Dinosaur”, “House-Museum”, and “House-Seashell”. Through several expressive means, the heroine constructs the image of the house. The characteristics of the house to which the teenage protagonist responds negatively are revealed through the use of cross-cutting epithets. The most important room to her in the house is identified by linked cases of personification. The protagonist displays an emotionally distanced attitude toward the house while maintaining respect for its heritage, which is shown in the transformation of cross-cutting epithets into oxymoron. The novel, through the protagonist’s personal perception of her home, reflects on the values of the Victorian era in the country’s history.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения способов репрезентации в художественном тексте ключевых образов в жизни человека. Дом в системе ценностей каждого народа занимает важное место и его образ меняется в зависимости от социально-экономического прогресса и историко-культурного развития общества (Иванова, 2024; Иванова, 2008; Носова, 2020; Сотникова, 2010). Значимость роли дома зависит также от личного опыта каждого человека, его социального положения, возраста и пола. Исследователи отмечают, что для детей дом становится местом инициации – перехода от детства к взрослости

(Пучкова, 2023, с. 82). Новые знания об окружающей действительности подростки получают посредством доступных для их возраста средств, связанных с развитием навыков самоанализа, самонаблюдения и рефлексии. В художественных произведениях, посвященных проблемам подросткового периода, «авторы пытаются приблизить своих персонажей к их реальным сверстникам, испытывающим многочисленные трудности, связанные с подростковой рефлексией, отличающейся свободной ассоциативностью и эмоциональностью» (Строганова, 2011, с. 135). Одновременное изучение на материале художественного произведения использования подростком познавательных и языковых средств при восприятии своего дома позволяет выявить особенности выбора этих средств, а также отношение подростка к дому.

Поставленная цель исследования связана с решением следующих задач: определить стратегию формирования образа викторианского дома подростком, тактику, за счет которой она реализуется, и установить важные для героини-подростка характеристики дома.

В работе в качестве основных методов используется анализ, обобщение и систематизация, которые позволяют определить приемы мышления героини-подростка и выявить основной из них; описательный метод, который предусматривает наблюдение и выявление особенностей функционирования и взаимодействия выразительных средств языка в художественном тексте; контекстуальный анализ языковых средств при рассмотрении их семантических и функциональных особенностей в контексте употребления. Для изучения языковых единиц были использованы толковые словари английского языка: Collins English Dictionary (CED), Urban Dictionary.

Материалом для изучения образа викторианского дома послужил роман П. М. Лайвли «Дом на Норэм Гарденс» (Lively, 1974), посвященный переоценке значимости английского родового дома.

Теоретическую базу работы составили труды исследователей, посвященные изучению образа дома в английской литературе (Велигорский, 2020; Головкин, 2019; Кияткина, 2021; Телегина, 2016); роману П. М. Лайвли «The House in Norham Gardens» (Нагорнов, Никашина, 2022; Nagornova, 2020). Важным аспектом исследования явилось определение метафоры как формы мышления, что стало возможным благодаря трудам выдающихся зарубежных и российских ученых (Lakoff, Johnson, 1980; Арутюнова, 1998).

Теоретическая ценность работы заключается в возможности использования полученных данных для дальнейшего изучения способов представления образа дома героями-подростками в разные исторические эпохи.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в практической работе на курсах по интерпретации художественного текста, стилистике английского языка и лингвокультурологии, а также в методической работе при создании учебников и учебных пособий.

Обсуждение и результаты

Викторианская эпоха и современность

Дом выступает одним из доминантных концептов национальной концептосферы английской культуры, формирование которой завершается в XIX в. (Телегина, 2016, с. 92). Именно в викторианскую эпоху дом как материальная реальность и символическое воплощение семейных ценностей приобретает особое значение (Зброжек, 2005, с. 40).

Действие романа П. Лайвли «Дом на Норэм Гарденс» происходит в викторианском особняке состоятельной английской семьи Мейфилд, расположенном в северном Оксфорде, во второй половине XX столетия. В большом доме бережно хранятся многочисленные предметы, свидетельствующие о расцвете Британской империи. Королева Виктория, правившая Великобританией с 1837 по 1901 год, превратила могущественную Британскую империю в единый дом образцовой добропорядочности (Зброжек, 2005, с. 43). Улица Норэм Гарденс застраивалась начиная с 1860-х годов как часть жилого комплекса.

Для семьи Мейфилд дом оставался крепкой базой на протяжении более века. Двери их дома были открыты как для гостей семьи во время торжественных приемов, так и для беженцев из Германии во время войны. Викторианский особняк Мейфилд был воплощением традиций страны: «Дому в этой ситуации отводится двойственная роль: с одной стороны, это некий общественный центр округа, становящийся прибежищем для всех, кто нуждается в помощи и поддержке. С другой – уютное родовое гнездо, куда после тяжких трудов на благо общества можно вернуться с чувством исполненного долга и наслаждаться, избирая себе занятия и развлечения по вкусу» (Соколова, 2016, с. 123). Участие Великобритании в двух мировых войнах привело к значительному экономическому спаду и утрате морских колоний, что существенно повлияло на уровень жизни ее граждан. В середине XX века в особняке Мейфилд осталось трое представителей семьи: две дамы преклонного возраста и девочка-подросток.

В романе П. Лайвли переоценка значимости викторианского дома в современном мире рассматривается через восприятие четырнадцатилетней Клэр, наследницы семьи Мейфилд. Основным инструментом мышления героини в романе становится прием оппозиции, который проявляется в трех проекциях: свой дом и другие дома, оценка дома гостями и героиней, дом и его жители. Рассмотрение этих направлений мышления позволяет раскрыть языковую оболочку процесса переосмысления юной героиней значения старинного родового дома.

Другие дома vs Свой дом

Дом Мейфилд под № 40 на Норэм Гарденс выделяется на фоне соседних домов, в первую очередь своим несоответствием современным архитектурным стандартам. Обыденный вид ряда домов на близлежащих улицах передается в тексте с помощью эпитетов “normal” (нормальный) и “ordinary” (обычный). Повтор эпитета (“ordinary”) при перечислении различных элементов этих домов усиливает впечатление их обыденности:

(1) *Belbroughton Road. Linton Road. Bardwell Road. The houses there are quite normal. They are ordinary sizes and have ordinary chimneys and roofs and gardens with laburnum and flowering cherry* (Lively, 1974, p. 1). / Белброутон-роуд. Линтон-роуд. Бардвелл-роуд. Дома на этих улицах выглядят вполне нормальными. Они обычных размеров, с обычными дымоходами, крышами и садами с лабурнумом и цветущей вишней (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – О. В.).

В то же время облик старинных особняков на Норэм Гарденс настолько причудлив, что выходит далеко за рамки представлений о «типичной» архитектуре. При их описании используется абстрактное понятие “madness” (безумие), которое, реализуя свое основное значение (a severe mental disorder that makes normal thinking and behaviour impossible (CED) / тяжелое психическое расстройство, которое делает невозможным нормальное мышление и поведение), вступает в оппозицию с ранее использованной лексемой “normal”:

(2) *By the time you get to Norham Gardens they have tottered over the edge into madness: these are not houses but flights of fancy* (Lively, 1974, p. 1). / К тому времени, как вы добираетесь до Норэм-Гарденс, дома уже переходят за грань разумного: это не дома, а полет фантазии.

Описание викторианских домов на Норэм Гарденс с использованием абстракций (madness / безумие, flights of fancy / полет фантазии) и категории одушевленности (totter over / переходить за) формирует образ нетривиальной архитектуры этих домов. Этот образ строится на противопоставлении (норма и отклонение от нормы) как одном из эффективных способов человеческого мышления. При этом сложная орнаментальность домов на Норэм Гарденс указывает одновременно на качество созидательности архитекторов тех времен и то, что их могли позволить себе только представители обеспеченного класса Англии.

Далее дома на Норэм Гарденс, представляющие остатки викторианской эпохи в современном городском пространстве, уподобляются островам. Они противопоставляются зданиям университетского кампуса, которые в свою очередь сравниваются с «бетонными утесами». Благодаря использованию аналогии, в этом фрагменте актуализируется ряд свойств этих объектов: прочность (tenacious vs Concrete / цепкий и бетонный), высота (islands vs cliffs / острова и утесы) и время постройки (Gothic vs New / Готический и Современный). При этом подчеркивается наиболее важное качество домов на Норэм Гарденс – их способность выживать (survive) сквозь века:

(3) *There is Keble College, red brick sprawling so copiously that one feels the stuff must have got out of control, unleashing some dark force upon a helpless architect. Or the houses that survive as tenacious Gothic islands amid the concrete cliffs of new University Departments – there seems to be something sinister at work here, some unquenchable life-force* (Lively, 1974, p. 58). / Кебл-колледж. Красный кирпич его зданий как будто разбросан по всей территории кампуса. Кажется, что при его строительстве этот материал вышел из-под контроля архитектора, выпустив на него какую-то темную силу. А вот дома по Норэм Гарденс сохранились подобно цепким готическим островам среди бетонных утесов современных университетских корпусов – кажется, здесь действует что-то злое, какая-то неугасимая жизненная сила.

В двух приведенных фрагментах можно заметить прием олицетворения, при котором дому приписываются качества, характерные для живых существ (*tottered over* / перепахнуть, *survive* / выжить).

Кроме того, в противоположность соседним домам, которые с течением времени претерпели реновацию, дом № 40 остался неизменным, сохранив не только изначальную внутреннюю планировку, но и прежний образ жизни своих жильцов. Приверженность дома духу времени своего создания уподобляет его ископаемому (*a fossil* – hard remains of a prehistoric animal or plant that are found inside a rock (CED) / затвердевшие останки доисторического животного или растения, найденные внутри камня), выброшенному на берег нового времени, создавая основу для метафоры дома как доисторического животного:

(4) *Such a house became a fossil, stranded among neighbors long since chopped up into flats and bed-sitting-rooms, or sleek modern houses that had a suitable number of rooms for correct living in the late twentieth century* (Lively, 1974, p. 5). / Такой дом превратился в ископаемое, застрявшее среди соседних домов, давно разделенных на квартиры и спальни-гостиные или изящные современные дома, в которых можно найти подходящее количество комнат для соответствующего проживания в конце двадцатого века.

Восприятие героиней архаичности дома подхватывается его сравнением с древним животным – динозавром (dinosaur – large reptiles which lived in prehistoric times (CED) / крупные рептилии, жившие в доисторические времена). Особняк занимает большую площадь и нуждается в постоянном обеспечении домашней мебелью и электроэнергией. Забота о нем напоминает героине уход за огромной рептилией, обитавшей миллионы лет назад. Чувство досады юной Клэр на попытки удовлетворить потребности этого дома подчеркивается многократным повтором союза “and”, что является примером полисиндетона.

(5) *If you did not, if you contracted into three people without such needs, then a house like this became a dinosaur, occupying too much air and ground and demanding to be fed new sinks and drainpipes and a sea of electricity* (Lively, 1974, p. 5). / Если вы этого не сделали, а именно, если количество жильцов в доме сократилось до трех

человек без каких-либо особых потребностей, то такой дом, как этот, превращается в динозавра, занимающего слишком много пространства и земли и требующего новых раковин, водосточных труб и моря электричества.

В приведенных фрагментах формирование образа дома основывается на таких мыслительных операциях, как противопоставление, аналогия, отождествление и сравнение. Все эти методы мышления функционируют в рамках более широкой категории в этом контексте – оппозиции, которая является наиболее эффективным инструментом мышления для героини-подростка на протяжении всего романа.

В рамках рассмотренной оппозиции «Свой дом vs Другие дома» ощущение героиней оторванности дома от реалий современного мира вызывает у нее неприятие. Это приводит к формированию метафоры ДОМ-ДИНОЗАВР, основанной на признаках «древний», «огромный», «невиданный» и «выживший». Использование других языковых средств (повтор, полисиндетон и эпитет) подчеркивает раздражение и усталость юной героини от огромного дома.

Оценка дома гостями vs Своя оценка дома

Дом Мейфилд вызывает искреннее восхищение у их гостей, что находит отражение в различных описательных и оценочных эпитетах в их речи. Так, дом производит сильное впечатление на Лиз, одноклассницу Клэр, своей абсолютной несхожестью с другими домами. При его описании Клэр использует прилагательное “weird” (необычный), которое может выражать различные коннотации в английском языке:

(6) “Gosh. You are lucky. *Living in a weird house like this. Ours is the same as the one next door and the one opposite and about half a million others*” (Lively, 1974, p. 30). / «Боже. Тебе повезло. Жить в таком необычном доме, как этот. Наш такой же, как и соседний, и тот, что напротив, и еще около полумиллиона других».

Лексема “weird” имеет в толковом словаре помету «неформальный регистр речи, британский вариант английского языка» (CED). Значение лексемы “weird”, актуализируемое в этом контексте, наиболее точно определяется в Urban dictionary (Something that's unique, strange, awesome, crazy, or out of the ordinary / Уникальный, странный, потрясающий, сумасшедший или необычный). Дом, действительно, вызывает восторг у юной гостьи, и она дает ему положительную оценку, считая дом особенным, нежели странным.

Сама Клэр, проживающая в доме с детства, придерживается близкой к Лиз оценки дома. Так, например, Клэр выступает в защиту дома, когда ее кузина Маргарет выражает свои сомнения в целесообразности проживания юной девушки в огромном пустующем особняке. Героиня отстаивает перед кузиной очарование дома в его недостатках, которые она обозначает рядом эпитетов, объединенных полисиндетоном, и усиливающих эмоциональность ее высказывания: *cold and dusty and peculiar* (холодный и пыльный, и особенный):

(7) “Actually, said Clare, ‘it isn't dull at all. *I like this house being cold and dusty and peculiar and I think the aunts are the most interesting people I've ever known. If they are out of touch, like you said, then I think I'd rather be too, if being in touch is what I think it is*” (Lively, 1974, p. 75). / «На самом деле, – сказала Клэр, – мне здесь вовсе не скучно. Мне нравится, что в доме холодно, пыльно и как-то по-особенному, и я думаю, что тетушки – самые интересные люди, которых я когда-либо знала. Если они немного не в себе, как вы сказали, тогда я полагаю, что я бы предпочла быть не в себе, если быть в себе – это то, что я думаю».

В этом споре Клэр также отмечает своеобразие дома, как и ее приятельница Лиз, однако в данном случае Клэр использует прилагательное “peculiar” (особенный). Ее выбор лексики звучит мягче и сдержаннее по сравнению с Лиз (peculiar – strange or unusual; odd (CED) / странный или необычный; чудной). В дальнейшем, при знакомстве с аспирантом из Уганды, для характеристики своего дома она использует лексему “funny”:

(8) Clare said, “Not really. It's just I've got one at home” (Lively, 1974, p. 61). / Клэр ответила: «Не совсем так. У меня дома есть такая вещь».

“That's a funny sort of thing to have at home” (Lively, 1974, p. 61). / «Забавно, что такая вещь находится у вас дома».

“It's a funny sort of home, I suppose” (Lively, 1974, p. 61). / «Дом забавный, полагаю».

В английском языке “funny” определяется как синоним слову “strange” / странный (If you describe something as funny, you think it is strange, surprising, or puzzling (CED) / Если вы описываете что-то как забавное, вы находите это странным, удивительным или даже озадачивающим). В оценке дома гостями и Клэр наблюдаем общую сему «странный/необычный/особенный». Выбор обозначения для этой характеристики дома определяется личностью говорящего и контекстом ситуации. В этом контексте лексема funny актуализирует одобрительную оценку дому со стороны Клэр.

Гости Клэр открыто выражают свои эмоции по отношению к дому и совершенно точно подмечают его суть – музейную ценность. Они всегда с удовольствием разглядывают и примеряют старинные вещи в доме. Открытость дома Мейфилд демонстрирует приверженность Клэр викторианским принципам, переданных ей через поколения ее семьи: «Дом должен быть местом семейного уюта, отражать интересы хозяев, а не быть музейной реликвией, к которой страшно прикоснуться» (Телегина, 2016, с. 97):

(9) Clare's visitors always wanted to see the hats, along with the lift and the china collection in the drawing-room and the old photograph albums in the study desk. “It's super coming here,” they said happily. “*Like a museum where you're allowed to take out and mess about with it*” (Lively, 1974, p. 31). / Гости Клэр всегда хотели посмотреть шляпы, а также лифт, коллекцию фарфора в гостиной и старые фотоальбомы на письменном столе в кабинете. «Классно – прийти сюда, – радостно говорили они. – Как в музее, где разрешено все вытаскивать, чтобы поразглядывать получше».

Сопоставление дома с музеем встроено в сравнительную конструкцию в редуцированной форме, где предмет сравнения (house/дом) опущен, а союз “like” занимает нестандартное для себя препозиционное положение,

усиливая акцент на объекте сравнения – музее (museum). Такая аналогия между домом Клэр на улице Норэм Гадренс и музеем формирует метафору дома как музея. Хотя определение дома как музея исходит от гостей, Клэр использует при его описании эпитеты (cold and dusty, peculiar, funny / холодный и пыльный, особенный, забавный), которые вполне соответствуют этой метафоре.

Оценка дома в рамках рассматриваемой оппозиции реализуется в диалоге между гостями и Клэр, демонстрируя литературный регистр ее речи. Важно отметить, что здесь Клэр скорее соглашается с такой оценкой дома как музея, однако, позже в романе Клэр приходит к выводу, что для нее важнее сохранить воспоминания о жизни нескольких поколений семьи в своей памяти, без привязки к дому как неодушевленному физическому объекту.

В контексте рассматриваемой метафоры ДОМ-МУЗЕЙ викторианский особняк Мейфилд предстает перед гостями как хранилище воспоминаний о когда-то насыщенной жизни его владельцев, наполнявших свой дом бесценными находками из поездок в отдаленные английские колонии.

Дом vs Жители

Клэр видит в доме нечто большее, чем просто строение – она считает его живым организмом. Дом напоминает ей огромное живое существо, свернувшееся вокруг своих хозяев. В следующем высказывании фраза “squatted around” (to crouch or cower close to the ground: said of an animal / присесть или прижиматься близко к земле: о животном), характеризующая поведение живого существа, выделена в сильной позиции в начале предложения. Перечисление ряда следующих за этой фразой эпитетов (vast, empty, unnecessary and indestructible / огромный, пустой, ненужный и неразрушимый) выражает неодобрение со стороны Клэр размерами дома и его пустотой:

(10) *The house squatted around them, vast, empty, unnecessary and indestructible. You had to be a fat busy Victorian family to expand enough to fill up basements and passages and conservatories and attics* (Lively, 1974, p. 5). / Дом свернулся в клубок возле них, огромный, пустой, ненужный и нерушимый. Нужно было быть большой и занятой викторианской семьей, чтобы заполнить подвалы, переходы, оранжереи и чердаки.

Для тетюшек Клэр дом всегда был опорой, в которой они черпали силы и вдохновение для своей реализации в работе. Дом для Энн и Сьюзан Мейфилд, выросших под влиянием викторианских традиций, продолжает выполнять функцию защиты от внешнего мира, но одновременно с этим дом символизирует ограниченность их активности. В сознании Клэр формируется образ дома как раковины моллюска (SHELL):

(11) *Clare left the aunts in the library. They would sit there till suppertime now, reading and dozing, according to the pattern of their day. (...) The house, which had always been their base, had become also their shell. It held everything they needed and they seldom went beyond* (Lively, 1974, p. 10). / Клэр оставила тетюшек в библиотеке. Теперь они будут сидеть там до ужина, читая и дремля, в соответствии с распорядком дня. (...) Дом, который всегда был их базой, стал также и их ракушкой. В нем было все, что им было нужно, и они редко выходили за его пределы.

Следует отметить, что если в метафоре ДОМ-РАКУШКА Клэр вкладывает в образ дома функцию защиты от внешнего мира для тетюшек, что заложено в значении слова (The shell of an animal such as a tortoise, snail, or crab is the hard protective covering that it has around its body or on its back (CED) / Панцирь животного (черепахи, улитки или краба) представляет собой твердое защитное покрытие вокруг его тела или на спине), то для себя она придает этому образу несколько иной смысл. Для Клэр основой образа дома как ракушки становится ощущение пустоты в доме, которое ее сильно тяготит. Спокойный и тихий дом (still and silent / неподвижный и безмолвный) напоминает ей пустую безжизненную раковину моллюска (like a shell, quite without life / подобен безжизненной ракушке). В отличие от тетюшек, Клэр воспринимает дом не как защиту, а как источник страха и гнетущей тишины (absolutely still and silent):

(12) *She'd dreamed in the night (...) and the house had been absolutely still and silent around her. It had been like a shell, quite without life, and she'd realized that this was because the clocks had stopped, all of them* (Lively, 1974, p. 50). / Ночью ей снова приснился сон (...) и дом был абсолютно спокойным и тихим вокруг нее. Дом был подобен безжизненной ракушке, и она поняла, что в доме остановились все часы.

Мысли Клэр наполняют тишину, и дом начинает напоминать ей голову, полную воспоминаний о разных событиях и переживаниях. Дом начинает ей казаться живым, дышащим существом, способным хранить и обрабатывать информацию. Клэр впервые описывает дом как часть живого организма (a huge head):

(13) *Lying in bed that night, in the hinterland between being awake and asleep, when things slide agreeably from what is real to what is not, it seemed to her that the house itself, silent around her, was a huge head, packed with events and experiences and conversations* (Lively, 1974, p. 38). / В ту ночь, лежа в постели, в состоянии между бодрствованием и сном, когда вещи плавно переходят от реального к ненастоящему, ей казалось, что сам дом, безмолвный вокруг нее, был огромной головой, наполненной событиями, переживаниями и разговорами.

В дальнейшем этот образ получает развитие – фасад дома с окнами и парадной дверью напоминает Клэр лицо. Готические дома поздней викторианской эпохи представляли собой особняки, выкрашенные в светлые цвета со множеством окон, поэтому перенос передней части головы живого существа на фасад здания вполне очевиден. Примечательно, что в этом фрагменте у «лица» дома, по мнению Клэр, отсутствует какое-либо выражение (blank and empty face / абсолютно пустое лицо). Таким образом, здесь мы также наблюдаем придание одновременно внешних и внутренних характеристик, присущих живому существу, части дома:

(14) *Coming home, she could see no light in any of the front windows. The house presented a blank and empty face. She ran up the steps and in at the front door, calling, and came face to face with John at the foot of the stairs. “What’s wrong? What’s the matter?” “I thought there was no one here. No lights...”* (Lively, 1974, p. 123). / Возвращаясь домой,

она не увидела света ни в одном из окон. **Дом представлял собой абсолютно пустое лицо.** Она взбежала по ступенькам, вошла в парадную дверь, позвала и столкнулась лицом к лицу с Джоном у подножия лестницы. – «Что случилось? В чем дело?» – «Я подумала, здесь никого нет. Нет света...».

В тот же вечер, когда Клэр вошла в неосвященный дом, ее охватило чувство страха от ощущения, что дом как будто поглотил ее в своей темноте. В этом фрагменте Клэр снова приписывает дому действия, присущие живому организму (swallow – to engulf or destroy as if by ingestion (CED) / поглотить или уничтожить, как будто проглотить). Кроме того, этот образ поддерживается рядом эпитетов (*empty, pitch dark* / пустой, непроглядно темный):

(15) *The house, now that she had shut the door, swallowed her, empty, apparently, and pitch dark. She felt, for an instant, quite panic-stricken, and then groped for the light switches, and the hall light came on, and the one on the landing above* (Lively, 1974, p. 130). / **Дом, теперь, когда она закрыла дверь, по-видимому, пустой поглотил ее и казался непроглядно темным.** На мгновение ее охватила паника, а затем она нащупала выключатели, и зажегся свет в холле и на лестничной площадке выше.

В этих примерах прослеживается развитие метафоры ДОМ-РАКУШКА, поскольку моллюск в раковине обладает головой, лицом и другими органами, а также способен принимать пищу. Далее Клэр преодолевает свои страхи и осознает, что у дома есть сердце, объединяющее всех (*at the heart of the silent house* / в самом сердце безмолвного дома), – это библиотека с камином, хранилище воспоминаний об ушедшей эпохе. Как и в прежние времена, когда дымоход символизировал для англичан сердце дома (Головкин, 2019, с. 207), Клэр обращается к этой комнате как к наиболее важной части окружающего ее пространства. «Очаг, печь, камин – организующий центр дома, символ духовного и материального единства живущих в доме родственников, источник жизни» (Давыденко, 2011, с. 32).

(16) *In the evening she sat in the library with the aunts, at the heart of the silent house. John and Maureen had both gone out. Sitting by the fire, Clare thought of the rooms of the houses, stacked around her, empty and yet full. Maureen's room, and John's, would be full of their possessions, for as long as they lived here, and, thus, of them. Photographs, clothes, books* (Lively, 1974, p. 153). / **Вечером она сидела с тетушками в библиотеке, в самом сердце безмолвного дома.** Джон и Морин оба ушли. Сидя у камина, Клэр думала о комнатах дома вокруг нее, **пустых и в то же время полных.** Комната Морин и Джона будет полна их вещей до тех пор, пока они будут здесь жить, а значит, и их самих. Фотографии, одежда, книги.

В этом фрагменте, кроме олицетворения, выраженного словом “heart”, в рамках метафоры ДОМ-РАКУШКА присутствует отсылка к связке сквозных эпитетов “silent” и “empty”. При этом эпитет “empty” используется в сочетании с противоположным ему по значению эпитетом “full”, что образует оксюморон (*empty and yet full* / **пустых и в то же время полных**), который по своему определению «вскрывает внутренние противоречия, заложенные в самих явлениях и фактах действительности» (Гальперин, 2012, с. 119). Решение Клэр с согласия тетушек взять в дом квартирантов, продиктованное необходимостью содержать огромный викторианский особняк, стало для них тем нововведением, которое наполнило пустующий дом Мейфилд. Трансформация связки сквозных эпитетов (empty и silent) в оксюморон (empty and yet full) является ключевым для понимания значимости старинного родового дома подрастающей девочкой.

Наиболее существенной характеристикой дома для главной героини оказывается его наполненность: для нее важно, чтобы дом не был пустым и тихим. Таким образом, сквозные эпитеты явились антитезой стремлению героини к наполненности дома. В рамках рассмотренной оппозиции метафора ДОМ-РАКУШКА раскрывает значение дома для его жильцов: для тетушек дом олицетворяет защиту, а для Клэр – пустоту, которую ей удается в финале заполнить, если не членами семьи, то хотя бы квартирантами. Изменение восприятия героиней своего дома находит выражение в таких приемах, как олицетворение и преобразование связки сквозных эпитетов в оксюморон. Отметим, что все указанные средства реализуются в рамках несобственно-прямой речи героини, подчеркивая ее внутренние переживания.

Заключение

Представленное исследование формирования образа дома четырнадцатилетней героиней в романе П. М. Лайвли *The House in Norham Gardens* позволяет сделать следующие выводы:

1. При формировании образа родового дома постройки викторианской эпохи героиня романа прибегает к оппозиции в качестве основной стратегии его рассмотрения: «Другие дома vs Свой дом», «Оценка дома гостями vs Своя оценка дома», «Дом vs Жители».

2. В рамках этой стратегии тактика создания образа дома героиней заключается в ее обращении к метафоре («Дом-Динозавр», «Дом-Музей», «Дом-Ракушка»), которая составляет ядро образа дома. Метафора демонстрирует ее способность находить аналогии, используя творческие инструменты познания.

3. Ключевые характеристики викторианского особняка с позиции героини-подростка представлены эпитетами, олицетворением и оксюморонами. Героиня романа апеллирует к эпитетам empty and silent (пустой и тихий), которые отражают ее беспокойство из-за ощущения одиночества в доме. Связка двух ключевых эпитетов является сквозной в романе, представляя собой антитезу стремлению героини к наполненности дома и формируя в его финале оксюморон empty and yet full (пустой, но все же полный), демонстрирующий реализацию ее стремления к наполненности дома. Посредством ряда олицетворений, в том числе at the heart of the silent house (в самом сердце тихого дома), передается постепенное формирование более теплого отношения героини к дому.

Самой важной комнатой в доме оказывается для нее библиотека с камином, где вечерами она проводит время со своими тетушками.

Таким образом, особенности формирования образа родового дома героиней романа объясняется ее возрастом и опытом. Рациональный опыт героини-подростка способствует выбору оппозиции в качестве основной стратегии рассмотрения роли и значения дома, ее эмоциональный опыт опирается на метафору как творческий инструмент познания.

На примере рассмотрения образа старинного английского особняка автор романа отмечает необходимость пересмотра отношения к традиционным викторианским ценностям в Англии во второй половине XX века. Выбор подростка в качестве главной героини отражает трансформационный процесс переоценки традиционных викторианских ценностей, переход от старого к новому в меняющихся исторических условиях.

Перспективы исследования связываются с дальнейшим изучением особенностей репрезентации образа английского дома в разные исторические эпохи персонажем-подростком с учетом его гендерных и других социальных характеристик в художественных произведениях.

Материалы исследования | Research materials

1. Collins English Dictionary. <https://www.collinsdictionary.com> (CED).
2. Lively P. M. *The House in Norham Gardens*. N. Y.: E. P. Dutton & Co., 1974.
3. Urban Dictionary. <https://www.urbandictionary.com>

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1998.
2. Велигорский Г. А. "Houses are alive. No?" образ «ожившего» дома в английской литературе конца XIX – начала XX в. // *Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография* / сост., отв. ред. и автор предисл. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020.
3. Гальперин И. Р. *Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств*. М., 2012.
4. Головкин Е. В. Основные лингвокультурные характеристики британского дома // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки*. 2019. Т. 137. № 4.
5. Давыденко И. В. Архетипический образ дома/жилища в английской картине мира // *Записки з романо-германської філології*. 2011. Вип. 27.
6. Зброжек Е. В. Викторианство в контексте культуры повседневности // *Известия уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2005. № 35.
7. Иванова Н. В. Образ дома в латиноамериканском романе 1980-х годов (на примере романа Исабель Альенде «Любовь и тьма») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. № 10. <https://doi.org/10.30853/phil20240529>
8. Иванова Э. Ю. Образ послевоенной жизни Западной Германии в восприятии детей (на материале романа Г. Бёлля «Дом без хозяина») // *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы III международной научно-практической конференции, Самара, 22-23 мая 2008 года*. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2008.
9. Кияткина Е. А. Вербализация концепта "HOUSE" в англоязычных художественных текстах // *Огарёв-Online*. 2021. № 15 (168).
10. Нагорнов М. И., Никашина Н. В. Концепт "Природа" в романе Пенелопы Лайвли «Дом на Норэм Гарденс» // *История культуры*. 2022. № 58.
11. Носова Е. С. Образ Гренландии в исландской саговой традиции: к вопросу о формировании бинарного образа Дома и Антидома // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 3. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.3.32411>
12. Пучкова А. В. Образ дома в романе Мариам Петросян «Дом, в котором...» // *Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии*. 2023. № 4 (6).
13. Соколова М. В. Стиль и стили в архитектуре викторианского // *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ имени С. Г. Строганова*. 2016. № 3.
14. Сотникова О. А. Художественные функции образа дома в романе Сандры Сиснейрос «Дом на улице Манго» // *В мире научных открытий*. 2010. № 4-10 (10).
15. Строгонова О. Л. Подросток в современном англоязычном художественном дискурсе // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2011. № 4.
16. Телегина О. В. Эстетизация пространства дома в викторианском романе (на материале романов Э. Гаскелл) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология*. 2016. Т. 39. № 3. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2016-3-9>
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1980.
18. Nagornova E. V. The concept HOUSE in Penelope Lively's. *The House in Norham Gardens* // *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020. Vol. 17. № 2. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.211>

Информация об авторах | Author information**RU****Уарова Ольга Васильевна¹**, к. филол. н.¹ Академия наук Республики Саха (Якутия), г. Якутск**EN****Olga Vasilievna Uarova¹**, PhD¹ Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk¹ uarovaolya@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 21.09.2023; опубликовано online (published online): 28.11.2025.

Ключевые слова (keywords): образ викторианского дома; английский роман; метафора; сквозные эпитеты; сокращенное сравнение; оксюморон; image of a Victorian house; English novel; metaphor; cross-cutting epithets; reduced simile; oxymoron.